

VSEVOLODOV A.V.

PARISH CLERGY REPLIES TO THE PROGRAM OF THE SPECIAL COMMISSION IN 1863:
PROBLEMS OF TYPOLOGY AND INTERPRETATION

A.V. ВСЕВОЛОДОВ

ОТВЕТЫ ПРИХОДСКИХ ПРИЧТОВ НА ПРОГРАММУ ОСОБОГО ПРИСУТСТВИЯ ПО
ДЕЛАМ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА 1863 Г.: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И
ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Annotation / Аннотация

The article reveals content, structure and probable ways of interpretation of the Vologda diocese parish clerics' replies (so called "opinions") which were addressed to The Special Commission for the case of their material support improvement in 1863.

В статье на примере Вологодской епархии рассматриваются содержание и эволюция структуры ответов приходских причтов на программу Присутствия по делам православного духовенства, зафиксированных в «сведениях» («мнениях») по делу об улучшении быта духовенства 1863 г.

Keywords / Ключевые слова

Source, clergy, material support, The Special Commission, “opinions”, formulary, narrative, communication. Источник, духовенство, материальное обеспечение, Особое присутствие, «Сведения об улучшении быта», формуляр, нарратив, коммуникация.

ВСЕВОЛОДОВ Антон Владимирович – аспирант Череповецкого государственного университета, г. Череповец; 8-921-146-66-16, 8-8202-57-81-00; Vsevolodov12@yandex.ru

Документы всероссийского опроса 1863 г., проведенного по инициативе Особого присутствия по делам православного духовенства с целью выяснения материального положения и ключевых потребностей приходских причтов, а также имевшихся на местах возможностей по улучшению их быта, уже получили оценку в отечественной и зарубежной историографии в качестве одного из важных источников изучения практики церковных преобразований 1860–1870-х гг. В последние годы эти документы были востребованы и для изучения сословной ментальности священнослужителей .

Вместе с тем, источниковедческий анализ «Сведений» представляет до сих пор еще не вполне решенную задачу, не изучен и их общий эвристический потенциал. Посильный вклад в разработку этой проблемы призвана внести настоящая статья. Материалом для изучения послужил комплекс документов опроса по Вологодской епархии, сохранившихся в фондах Государственного архива Вологодской области (ГАВО) и Российского государственного исторического архива (РГИА).

В Вологодской, как и в других епархиях, «Сведения» составлялись по стандартной табличной форме в соответствии с общероссийской программой вопросов, утвержденной Главным Присутствием в феврале 1863 г. Собственно материальному обеспечению в ней отводился первый раздел, включавший три пункта: «1. Какими и в каких размерах средствами пользуется ныне духовенство: а) денежными – жалованьем, где оно полагается, и другими доходами; б) вещественными – а) землю; б) помещением; с) отоплением; d) ругою и разными добровольными приношениями. 2. Как велико народонаселение прихода, т.е. число душ мужеского пола и отдельно женского. Какое самое дальнейшее расстояние жилищ прихожан от церкви. 3. В чем именно признается неудовлетворительность нынешних средств содержания и не представляется ли местных способов к его улучшению» .

Таблица «Сведений» состояла из девятнадцати граф, в восемнадцати из которых приводилась информация по первому и второму пунктам программы Особого присутствия. Особый интерес представляет последняя, девятнадцатая графа, соответствующая третьему вопросу программы. Озаглавленная «В чем именно проявляется неудовлетворительность существующих средств содержания, и не находится ли местных средств к улучшению оно», она содержала уже не первичные статистические данные, а более или менее развернутый текстовый ответ причта. Это словоупотребление не случайно – в данном случае оно носит терминологический характер. Показательно, что Г.Л. Фриз целенаправленно применяет слово «reply» (англ. «ответ») по отношению к «Сведениям» вообще, без различия текстовой и цифровой их части: «reply» у него выступает, фактически, синонимом «opinion» (англ. «мнение» как дословный перевод второго наименования «Сведений») .

Отдельное исследование ответов только тогда по-настоящему практически оправдано, когда в полной мере учитывает их текстуальную форму, а, следовательно, и присущую им особую смысловую заданность. Потребность в таком исследовании обуславливается еще и тем, что именно текстовая часть вологодских «Сведений» (как своеобразный документ в документе) в ходе кампании подверглась наиболее серьезному редактированию. Функцию корпоративной цензуры выполняли в уездах благочинные, а на уровне епархии – созданный в Вологде в июне 1863 г. Временный Частный комитет по делу об улучшении быта духовенства, состоявший из авторитетных священников градских церквей. Уже из первых отзывов членов комитета выяснилось, что писания причтов изобиловали лишними «не идущими к делу рассуждениями», были многословны, сбивчивы и притом неполны. Позднее консистория предписала благочинным, чтобы ответы в их округах составлялись по единому для всех относившихся к ним приходов образцу – на общем собрании духовенства – и были максимально краткими и ясными по содержанию.

Практика такого предварительного «совокупного обсуждения» вела к значительной, а то и полной унификации ответов вплоть до дословного совпадения. Там, где рабочий процесс был более индивидуализирован и протекал без регулирующего вмешательства, сразу, даже в пределах отдельно взятого благочиннического округа, рельефно обозначались различия в подходах. Это касалось и объема ответа и сложности его построения. Начальной стадией его развития был перечневый вариант – в виде цепи фактов с четким делением по пунктам, обозначенным в вопросе программы:

«[Неудовлетворительность средств содержания проистекает:] а) от малого количества сенокосной земли и ее маловыгодности, от дороговизны обрабатывать землю и ценности в настоящее время жизненных потребностей; б) от неимения скотского выгона; в) от скудости доходов, получаемых от прихода, и малого жалованья. Местных же способов, служащих к улучшению материального быта священноцерковнослужителей

означенной церкви, ниоткуда не предвидится» .

На следующей стадии перечень становился развернутым. Из суммы однородных элементов он превращался уже в цельный текст:

«Неудовлетворительность нынешних средств содержания нашего состоит: 1) в том, что пользование землею, обработка оной сопряжено со многими трудами и расходами. Почва земли, которую мы владеем, глинистая, малоплодородна, а между тем обработка ее тяжела и убыточна для домохозяина, потому что он работников для возделывания земли должен нанимать. А цена поденной работы и прежде была велика, а ныне и еще возвысилась. 2) Жалованье, получаемое штатными членами причта, невелико, а руга, собираемая от прихожан диаконом, и еще меньше, денежные доходы, получаемые от прихожан за требоисправления, тоже очень малы. От жалованья и прочих денежных доходов небольшие остатки бывают только у одного священника, а у прочих членов причта руга, жалованье и все доходы без остатка употребляются на наем рабочих рук для обработки земли. Местных способов к улучшению нашего материального быта мы никаких в виду не имеем, а потому, если угодно начальству улучшить наше благосостояние, то не иначе можно, мы полагаем, как только чрез увеличение оклада нашего жалованья» .

Первый из представленных фрагментов дает образец строгого соответствия ответа идеалу ясной краткости, требующему в сжатом текстовом пространстве поместить максимум значимой информации. Второй, внешне сохраняя ту же самую конструкцию, представляет собой текст иного рода: в нем превалирует установка не на перечисление фактов, а на их оценивание. Окончательный выход за пределы формулярных ограничений происходил в последней фазе эволюции ответа, когда устранялось строгое членение текста на пункты.

Чаще всего, текст этого вида состоял примерно из 3–5 сложноподчиненных предложений, но нередко его объем намного превышал установленные рамки. Записи тогда велись на обороте второго листа таблицы данных, либо даже на нескольких дополнительных листах. В данной описательной, а точнее, диспозитивной части ответа очень характерны контекстуальные повторы-отсылки, увязывавшие ее содержание со статистикой доходов, приведенной в предыдущих графах. Этот нехитрый ход вместе с использованием соответствующей лексики и приемов риторики, вопросительных конструкций, в том числе и эмоционально окрашенных («Не справедливо ли было бы...?», «Не одинаковое ли отношение...?»), позволял дополнительно привлечь внимание читающего к неустроенности быта клира. В качестве косвенного обоснования претензий духовенства в диспозиции использовались и ссылки на давность земельных пожалований. Причт Замошской Покровской церкви Кадниковского уезда, прося о дополнительной нарезке пахоты и сенокоса, мотивировал свое ходатайство тем, что более ста тридцати девяти десятин земли, переданные «в вечное и бесперебойное владение» духовенству церкви Иваном Грозным, не приносят ему нужного объема выгод

Перечисленные особенности хорошо иллюстрирует диспозиция ответа причта Великоустюжского Успенского собора:

«Показанных средств содержания, очевидно, при настоящей постоянно возвышающейся на все дороговизне недостаточно для безбедного и приличного продовольствия шести семейств членов причта. Тем более эти средства признаются неудовлетворительными, потому что большую из них часть составляет приобретение случайное, как то: за молебны и славление по городу, .» Еще более резко выразились члены причта Антипинской Троицкой церкви того же уезда: «Если же мы до сих пор всем причтом мы жили и живем в год только на 318 руб., как показано выше, то поэтому-то именно мы утверждали и утверждаем насчет себя, что мы бедны, что наш материальный быт необходимо требует улучшения» .

Следующая часть ответа, которую можно назвать пропозициональной, («предлагающей») включала в себя обоснованное описание предполагаемых местных средств обеспечения: земельных дач, из которых следовало прирезать духовенству дополнительные наделы (в том числе, пожен, выгонов – казенных или крестьянских), мельниц, арендных статей (торговых лавок и др.). Источником расширения пахотных и сенокосных площадей для причта называлась также земля, укрепленная за приходской церковью. В том случае, если предпочтительны были денежные формы обеспечения, предложения духовенства сводились к увеличению или «восстановлению» требуемых доходов, определению твердых объемов годовой руги, назначению или увеличению жалованья взамен бесполезного земельного надела или беспошлинному отпуску строевого леса и дров. Характерно, что для повышения благосостояния многие духовные лица считали нужным обязать прихожан обрабатывать причтовую землю, а также передать на счет мирян постройку и содержание церковных домов. Освобождение от земельного бремени, хотя бы частичное, считалось более необходимым для священников, чем для причетников.

Когда местных средств не обнаруживалось, их отсутствие констатировалось коротко: «...способов к улучшению материального быта причта [нет и] не предвидится». Этой единственной фразой ответ часто и исчерпывался – она из простой логической связи становилась его формальной диспозицией.

Ответ мог завершаться обращением приходского духовенства к властям, которым причт напрямую вручал право решения вопросов своего быта. В частности, духовенство Николаевской Пустораменской церкви Кадниковского уезда, указав, что находившаяся в 13 верстах от храма пустошь Чигино даст ему до 200 руб. в год дополнительных поступлений, оговорился, что она «может служить немалым пособием в содержании, если бы правительству благоугодно было обратить оную в наше пользование». Клир же Ужгинской Афанасьевской церкви Кадниковского уезда единственным способом поправки своего положения считал увеличение жалованья «по усмотрению на то высшего начальства».

Выделяя обращение к правительству в особый стилистически характерный элемент ответа, нельзя упускать из виду его меняющуюся композиционную роль. Часто, например, апелляцию невозможно отделить от пропозиции:

«А потому нам желательно, не благоволит ли правительство, по крайней мере, удвоить наш годовой доход, тем более, что и средства у нас есть под руками верные, но необременительные ни для правительства, ни для крестьян-прихожан. За несколько водяных мельниц в приходе собирается в год аренды до 400 руб. И пусть же эта доходная статья будет предоставлена в пользование Спасо-Сеньговского причта.

По речкам Великой и Вяловцу лежат значительные пространства сенных покосов, принадлежащие казне, а не то, что входящие в душевой надел государственных крестьян, и да дарствует же государь император, истинный отец наш, клиру такую пропорцию земли сенокосной, а частью и лесопорослой, которая бы приносила в год доходу около 300 руб. » .

В самом полном виде апелляция выростала в самостоятельную часть ответа, в которой формально-этикетные правила официальной переписки доходили до демонстративного верноподданнического патернализма.

Так, например, завершил свой ответ причт Покровской церкви города Яренска:

«Заявляя пред начальством затруднительность материального положения, смеем смиреннейше просить обратить отеческое внимание и, вместо стеснительных для нас разных сборов по приходу, обеспечить казенным жалованьем, так как местных средств к улучшению нашего быта никаких нет» .

С еще большим эмоциональным накалом писало духовенство соседнего Яренского Преображенского собора:

«Посему была и остается одна надежда к улучшению нашего быта в материальном отношении – на правительство, которое обеспечило бы денежным жалованьем и, по крайней мере, уравнило бы нас с уездными гражданскими чинами, и притом не забыло бы правительство и вдов и сирот духовного звания, которые после продолжительного и достойного служения мужей и отцов своих наследуют одну лишь нищету и горькие слезы» .

Если диспозиция и пропозиция иногда с бухгалтерской точностью раскрывают фактическую сторону «неудовлетворительности» быта духовенства, то апелляция придает складывающемуся представлению о ней законченность и необходимую полновесность. Она прямо выражает главную – первостепенное значение государственной поддержки в поднятии жизненного уровня приходского клира, без чего

даже имеющиеся местные средства могут оказаться бесполезными. Монолог тогда перерастает уже в заочный диалог причта с «высшим начальством». Диалогичность всегда подразумевает, что любая реплика не существует без адресата – она всегда кому-то направлена и предполагает обязательный отклик. Приняв это положение, мы подходим к пониманию того, что «Сведения» в целом не следует считать просто очередным отчетом духовенства в адрес правительства. Правомерно, по нашему мнению, рассматривать весь ответ как цельное сообщение, в котором средствами письменного языка передается изначально устное – то есть проговариваемое и значимое для говорящего содержание, преобразуемое в наиболее доступную для адресата стабильную форму .

Изложенное подводит к принципиальным выводам. В интерпретации ответа, как уже говорилось, невозможно не учитывать приданную ему структуру. Ответ обязательно задан по причине своей включенности в регламентированную коммуникацию между приходским клиром и правительством. Наконец, содержание ответа не может быть как произвольным и немотивированным, так и непротиворечивым, поскольку отбором его руководят сразу две противопоставленные друг другу интенции – государственная воля и коллективные интересы духовенства.

И то и другое заключение для лингвиста и семиотика звучит как аксиома. Текст, в их понимании, наделен фундаментальной природной функциональностью – «социальной ролью, способностью обслуживать определенные интересы создающего текст коллектива» . Адресант и адресат – равноправные стороны коммуникации, но по отношению к одному тексту применяют разные стратегии его порождения/восприятия. Здесь логически предусмотрены три исхода – полное совпадение обеих сторон, безразличие «слушающего» и противоречие между сторонами («слушатель» осмысляет текст в собственных, независимых от «автора», координатах) .

В прикладном плане ответ, трактуемый как сообщение, на уровне коммуникативного акта (согласно известной модели Р.О. Якобсона) реализует так называемую поэтическую функцию – он сфокусирован на самом себе и на собственной форме ради самого же себя. Адресант (приходской клир) стремится донести суть ситуации (описать свое текущее материальное положение) и выразить свое отношение к ней. Адресат («высшее начальство», «правительство») в свою очередь классифицирует ответ как подходящий или не подходящий под интуитивно выработанный как бы *post factum* идеальный образец содержательности – такова и была в главных своих чертах редакторская работа вологодского Частного комитета.

Интересно, что ключевая посылка ответа, то есть скудость и неустроенность быта духовенства, программой Особого присутствия и формуляром «Сведений» признавалась уже заранее. Категорично определяя материальное обеспечение духовенства как неудовлетворительное, инициаторы сбора «Сведений», говоря словами Хейдена Уайта , проводили невольную «префигурацию» ответа – то есть задавали его предпочтительную стратегию создания и тональность (еще точнее звучит здесь используемое тем же Уайтом понятие «стилистический протокол»).

И все же находились немногочисленные расхождения, которые формально даже не брались в расчет. Так, клир Енангского Воскресенского прихода Никольского уезда, имея в год совокупного дохода 773 руб. дохода на четверых человек, единственный из пятнадцати в своем благочинии, считал уровень собственного благосостояния удовлетворительным. Он просил только обеспечить для себя право «получать по 50 четвертей ржи и по 25 овса в неурожайные годы из казенных запасных магазинов . Комитет прямо заявил о своем несогласии с позицией духовенства, обеспечение которого он не счел достаточным . Аналогичное мнение духовенства Николаевского Зыковского прихода Грязовецкого уезда, где трое клириков имели в год только 480 руб., комитет предпочел оставить без комментариев, ограничившись приведением его в своем рапорте .

Конфликт мнений причта и Частного комитета демонстрирует различие актуальных для них критериев материальной обеспеченности. Если для клириков их без малого восемьсот рублей годового дохода вполне (пусть и с некоторыми оговорками) достаточны, то в представлении членов комитета, имеющих куда больший простор для сравнений, они совсем не выглядят таковыми.

В своей наиболее развитой форме ответы причтов приобретают законченного повествования – нарратива. В нем видна та черта нарративного мышления, которую О.М. Медушевская (применительно к сфере исторического познания) определила как взаимную приспособленность формы и функции повествования, когда «... результат уже задан и “ответ” задачи уже известен и не предполагает новизны или доказательности» .

Отличает ответ-нарратив и манера его составления от первого лица в обращении к третьему, репрезентирующему «высшее начальство»/«правительство» как сторону иллюзорного диалога. За подтверждением обратимся к цитированному ответу духовенства Яренского Преображенского собора . В диспозитивной его части читаем:

«Неудовлетворительность доходов составляют принятие денег за совершение таинств, сбор в церкви в Великий пост от прихожан по святом причащении, славенье (главный доход), которое совершается по восьми раз в год, недобровольная руга, собираемая хлебом, чем невольным образом унижается достоинство священнослужителей, и прихожане едва ли не вправе рассчитывать за свои почти невольные пожертвования на духовных своих отцов. И с нашей стороны надобно сознаться, что все сии существующие средства доходов, конечно, придумала с издавна крайняя нужда, не находя других местных способов к дневному пропитанию. ».

Первое предложение цитаты, перегруженное перечислениями, лишено конкретности. Оно, напротив, очерчивает общие контуры ситуации неудовлетворительности. О том, что перед нами единичный случай, мы узнаем лишь по вводимому во второе предложение притяжательному местоимению первого лица. Уменьшение масштаба достигается и приводимым далее упоминанием о судебной тяжбе клира с местными крестьянами по поводу владения землей. Отстраненное изложение благодаря нему обретает личное звучание, закрепляемое далее в пропозиции:

«Рассчитывать ли нам на севере, обросшем лесом, на выгоды от лесных дач, если бы правительству благоугодно было наделить таковыми? Дровяной лес некому было бы продать, а строевой само правительство не выделит, имея лучший за ним присмотр чрез лесничих и получая немалые доходы. Немного выгод и от хлебопашества. В городе пашенной земли малое количество, а обрабатывать в дачах крестьян за отдаленностью весьма неудобно, почему и ныне имеющаяся земля обрабатывается половниками. Кроме того, один зяблый год, как 1862 прошедший, расстроил бы надолго наше благосостояние. Со стороны оседлых прихожан на добровольное улучшение нашего быта мы не имеем никакой надежды. Прихожан мало, город беднейший».

В отрывке в 6 предложениях употреблено 3 местоимения в личных формах, а из 79 слов семь или имеют отрицательные приставки, или снабжены отрицательными частицами («некому», «не выделит», «немалые», «немного», «неудобно», «не имеем», «никакой»), и три – обладают ярко выраженным значением недостаточности («малое», «мало», «беднейший»). В том же смысловом ряду стоят и еще два слова – «зяблый» (в данном контексте – неурожайный) и «расстроит». Констатация фактов действительности идет через отрицание, в том числе сдвоенное («нет никакой надежды») или кратно усиленное («беднейший»). Избыточность примененных средств выразительности также обеспечивает нужную функциональность текста. Семантический фон недостаточности подчеркивается и тем, что нет ни одного упоминания о «местных средствах

содержания». Вся совокупность изобразительных возможностей текста мобилизована в примере на создание такой картины дела, при которой единственно возможным становится вывод: поправить положение яренского духовенства может только государственная поддержка. В виде дополнительного риторического аргумента вводится здесь напоминание о вдовах и сиротах, фраза о которых вновь возвышает повествование от единичного случая к проблеме общего порядка.

Таким образом, независимо от того, насколько верно он отражал реальное состояние быта приходского духовенства, ответ всегда создавался преднамеренно – не только в смысле соответствия установленным правилам, но и в силу подчиненности его собственной логике. Для нее главенствующей была установка не на объективность и достоверность информации, а на выражение и отстаивание субъективных интересов причта.

Сказанное предполагает, что при использовании и оценке данных «Сведений» вообще и ответов – в том числе, исследователь всегда должен ясно представлять себе, что имеет дело не всегда с обезличенным, а, наоборот, с по-особому личным источниковым материалом, преследующим личные цели и принимающим оптимальную для их выражения внешнюю форму, насколько такое достижимо в пределах регламентированного образца. Если рассматривать всю кампанию 1863 г. как документально опосредованный диалог духовенства и правительства, то ответ, развившийся до степени сложности небольшого рассказа, представляет собой способ выражения частных интересов и потребностей священнослужителей. Клир, стремившийся к максимизации собственной выгоды, стремился придать ему форму свободно построенного повествования, не соотносясь с предписанными формуляром «Сведений» ограничениями. Для «высшего начальства» на первом плане стояли строгое соответствие ответа заданной программе и понимаемая соответственно его информативность – в качестве эталона, скорее, принимался перечневый вариант ответа, лишенный свойственных нарративу риторических и публицистических наслоений.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription [here](#) .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки [здесь](#) .